

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

«Элегия («Пускай нам говорит изменчивая мода...»)

Стихотворение представляет собой образец нового типа элегии, возникшего в творчестве Некрасова, элегии социальной, в которой в связи с изменением объекта изображения традиционные поэтические средства насыщались новыми жанровыми признаками. В частности, своеобразно используется в ней типичное для романтических медитативных элегий В. А. Жуковского ритмико-синтаксическое построение.

Свою «Элегию» Некрасов начинает с утверждения актуальности темы «страдания народа» (полемически направленного против претензий, предъявлявшихся к его поэзии современным историком литературы О. Миллером, который считал, что «непосредственное описание страданий народа и вообще бедняков» уже Некрасовым «исчерпано» и что «поэт наш стал как-то повторяться, когда принимается за эту тему»).

Новый вопрос, поставленный Некрасовым в «Элегии» в связи с положением народа, стал одним из основных вопросов главного полотна поэта — эпической крестьянской поэмы-симфонии «Кому на Руси жить хорошо?»:

Народ освобожден, но счастлив ли народ?

Вопрос о положении народа сливается в «Элегии» с вопросом о роли поэта в обществе: «Я лиру посвятил народу своему». Развивая собственную программу гражданственности искусства, Некрасов опирался в этом стихотворении на тенденции вольнолюбивой лирики Пушкина («Деревня»). Звучит у Некрасова и своеобразная вариация пушкинской темы «поэта и толпы»: Некрасова мучает вопрос о том, дойдет ли его песня до народной души, принесет ли пользу:

... Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,
Увы! не внемлет он — и не дает ответа...